

УДК 81-112.4

Д.В. Тимошина*

**ОТВЛЕЧЕННАЯ ЛЕКСИКА РУССКОГО ЯЗЫКА
В СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С КОРНЕМ *SʏRD-**

В статье приводятся результаты диахронического анализа отвлеченной лексики словообразовательного гнезда с корнем *sʏrd-, рассматриваются основные словообразовательные типы и модели.

Ключевые слова: отвлеченная лексика, словообразовательный тип, отвлеченное действие, отвлеченный признак.

Отвлеченная лексика привлекает внимание современных лингвистов, вызывая дискуссии относительно этапов ее развития, а также границ понятия. Как отмечает М.П. Шатохина, актуальной задачей научного мышления на современном этапе является рассмотрение вопросов, «связанных с анализом абстрактного имени с когнитивных позиций» [1, с. 6]. Данная потребность связана с тем, что в научном знании происходит синонимизация понятий «абстрактная лексика» и «отвлеченная лексика».

В настоящей статье мы опираемся на определение отвлеченной лексики, предложенное Л.О. Чернейко и И.В. Новицкой. Отвлеченное имя занимает промежуточное положение между абстрактным именем и конкретным. Как и абстрактное, имя отвлеченного понятия является обозначением таких реалий, которые относятся к области понимаемого, а не эмпирически воспринимаемого. Однако как и конкретное имя, отвлеченное еще сохраняет свою связь, хотя и опосредованно, с материальной действительностью через производящую основу (глагол и прилагательное). При этом наглядность отвлеченного имени достигается соотношением какого-либо свойства или действия с объектом, который воспринимается как стандартный референт (например, белизна снега, а не бумаги). Следовательно, в отвлеченном имени мы имеем дело с отвлечением, т. е. с освобождением свойства от его носителя, а действия – от его исполнителя с последующим категориальным оформлением этого свойства/действия в виде субстантива [2, с. 23]. Таким образом, одним из отличительных свойств отвлеченного имени является его производность от глагола или прилагательного. «Отвлеченные субстантивы – это отадективные и отглагольные собственно синтаксические дериваты, сохраняющие семантику производящих. Их было бы логичнее рассматривать как формы соответствующих производящих, а не как самостоятельные слова. Но тогда нелогично называть их “отвлеченными”, признавая их самостоятельность» [3, с. 64].

Наиболее обстоятельно особенности отвлеченной лексики были описаны В.В. Веселитским в книгах «Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в.» и «Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века» [4; 5]. Изучению отвлеченного имени в другие периоды развития русского языка, например в древнерусском языке, специалистами должного внимания уделено еще не было.

* © Тимошина Д.В., 2014

Тимошина Дарья Владимировна (daryatimoshina@gmail.com), кафедра русского языка Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Цель данной статьи – проследить развитие отвлеченной лексики в словообразовательном гнезде с общеславянским корнем *sʏrd- в истории русского языка. Материалом для анализа послужила лексика, представленная в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера и «Этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой; «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)», подготовленном под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки, Э. Благовой; «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» под ред. И.И. Срезневского; «Словаре русского языка XI–XVII веков» под ред. С.Г. Бархударова, Г.А. Богатовой и др.; «Словаре Академии Российской» и «Словаре русского языка XVIII века», подготовленном под ред. Ю.С. Сорокина; «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля; «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и «Словаре современного русского литературного языка», а также в Национальном корпусе русского языка (далее – НКРЯ).

В лексикографическом материале, зафиксированном в указанных словарях, обнаружено 55 дериватов с корнем *sʏrd- отвлеченного характера, что составляет 60 % от общего числа производных. Все примеры можно разделить на две группы: имена со значением отвлеченного действия и имена со значением отвлеченного признака.

Первая группа – имена со значением отвлеченного действия – появляется лишь в XVIII столетии и включает восемь имен: *разсержение*¹ (зафиксировано в XVIII – XIX вв.), *сержение* (XVIII в.), *осержение* (XVIII–XIX вв.), *усердствование* (XVIII и XX вв.), *милосердование* (XVIII в.), *разсерживание* (XVIII в.), *сердцеведение* (XIX – XX вв.), *сердцебиение* (XX в.).

Процесс провоцирования кого-либо на гнев обозначается в лексемах *осержение*, *разсерживание*, *сержение*, образованных от синонимичных производящих основ посредством суффиксов -ениј-, -ниј-. Отглагольное существительное *разсержение* означает действие рассердившегося человека. Таким образом, ситуация проявления гнева воспроизводится в данной ЛСГ и с позиции субъекта, и с позиции объекта–провокатора.

Значение остальных отглагольных существительных легко восстанавливается по внутренней форме слова: *милосердование* – «чувствование милосердия», *усердствование* – «действие усердствующего», *сердцеведение* имеет значение «знание, угадывание чужих мыслей, чувств и желаний»: «Когда на сцену выступает практическое *сердцеведение*, то я, прежде всего, рассуждаю так: вероятно, в данную минуту обстоятельства так сложились, что без этого обойтись невозможно» (М.Е. Салтыков-Щедрин. За рубежом, 1880–1881). Последнее существительное в XX в. уже практически не встречается, единственными примерами, зафиксированными в базе НКРЯ, являются следующие контексты: ««Мотивы голосования» должны быть свободны; образование партий не терпит стеснений; ограничивать политическую пропаганду – значит «проявлять насилие»; судить и осуждать за «политические воззрения» нельзя: это значило бы покушаться на «*сердцеведение*» и «преследовать за образ мыслей» (по-немецки «*Gessinnungs-Justice*»)» (И.А. Ильин. О формальной демократии, 1950), «Между прочим, совершенно бесплатно и по собственной программе, включавшей в себя весьма необычные предметы: *сердцеведение*, живую этику и любовь к жизни, духовную гигиену, юмор как оживление души, живую историю и географию, ну и, конечно же, живой английский» (Некоренных народов не бывает. Эфиопы (2001)// «Жизнь национальностей», 2001.12.28).

Материал показывает, что наиболее продуктивным в данной группе производных с корнем *sʏrd- стал словообразовательный тип «существительное + -ениј-» (*разсер-*

¹ Здесь и далее примеры лексем даются в современной графике

жение, сержение, осержение, сердцеведение, сердцебиение). Отметим, что представленные в данной группе суффиксы -ениј- и -ниј- образовались в результате изменения словообразовательных отношений и переразложения основы [6, с. 25–26, 114].

Вторая группа лексем – имена со значением отвлеченного признака – зарождается в XII в. и богато представлена на всех этапах развития русского языка.

Основным способом образования новых дериватов является суффиксация, конфиксация в рассматриваемом материале встречается единожды (*бессердечие*). В качестве словообразовательных формантов используются суффиксы -иј-, -ств- и -ость-, последние из которых связаны с развитием славяно-книжной стихии. Существует несколько воззрений на их происхождение, которые сводятся к следующим двум позициям: 1) это суффиксы старославянские, заимствованные русским языком из церковнославянских текстов; 2) эти суффиксы общеславянские, свойственные всем славянским языкам, в том числе тем, которые не испытали непосредственного влияния церковнославянского языка [6, с. 114].

Наиболее древними словообразовательными типами в отвлеченной лексике с общеславянским корнем *sъrd- являются «существительное + -ств-» и «существительное + -иј-».

Тип «существительное + -ств-» действует в словообразовательном гнезде в XII–XX вв. и представлен следующими примерами: *милосердство* (XII–XVII вв.) < *милосердый*, *усердство* (XII–XX вв.) < *усердый*, *немилосердство* (XV–XVII вв.) < *немилосердый*, *сердитство* (XV–XVII вв.) < *сердитый*, *ласкосердство* (XV–XVIII вв.) < *ласкосердый*, *добросердство* (XVIII в.) < *добросердый*.

В данной группе примечательными являются дериваты *неблагодарство* и *сердобольство*. Согласно лексикографическим источникам, существительное *неблагодарство* встречается лишь в XVII в. (*О, вашего неумученаго злобства и человеконенавистного **неблагодарства!*** Евфр. Отразит. пис., 78. 1691 г.), однако в указанный период зафиксировано прилагательное *благодарный*, которое не могло быть непосредственно производящей основой рассматриваемого существительного. Предполагаем, что здесь перед нами случай так называемого чересступенчатого образования [6, с. 22], основанного на аналогии: ср. *милосердый* > *немилосердый* > *немилосердство* и *благодарный* > ? > *неблагодарство*.

В древнерусском языке существительное *сердобольство* означало родню, род и суффикс -ств- реализовал собирательное значение: *Ненависть бо единочадьства вводити и сердобольство разлучает* (Пал. XIV в. Зав. Заул), таким образом, данный пример относится к иному словообразовательному типу.

Самым продуктивным словообразовательным формантом среди отвлеченных существительных с корнем *sъrd- в истории русского языка является суффикс -иј-. При этом словообразовательной базой выступает либо прилагательное (и это самый распространенный вариант), либо другое отвлеченное имя с суффиксом -ств-.

К первой группе относятся такие примеры, как: *усердие* (XII–XX в.) < *усердый*, *добросердие* (XII–XIX вв.) < *добросердый*, *злосердие* (XIV–XVII вв.) < *злосердый*, *простосердечие* (XVIII–XX вв.) < *простосердечный*, *бессердие* (XIX–XX вв.) < *бессердый*, *мягкосердечие* (XX в.) < *мягкосердечный* и т. д.

В данной категории лексем, на наш взгляд, также встречаются случаи словообразования по аналогии. Подобным образом в русском языке появляются существительные *чистосердие* (XII в.), *жестосердие* (XII в.), *тяжкосердие* (XIX в.), *мягкосердие* (XX в.).

Особые изменения в истории русского языка претерпела лексема *сердоболье*. Исторические словари впервые фиксируют ее в XVII в.: *Сия же зрящее измнницы, не токмо незнаемии, но и сердоболье другъ друга, своей погибели смсяхуся* (Сказ. Арв.

Палицына, 505. 1620–30 гг.). В данном контексте *сердоболие*, образованное от *сердоболь* «родственник» посредством собирательного суффикса -иј- (ср. у Маяковского: «Дамьё от меня ракетой шарахалось...» («Люблю»), «Гостье идет по лестнице...» («Про это»), «Пусть их скулит дядье!» («Марш комсомольцев»)), служит для номинации родственников, родни. С XVIII столетия данное имя приобретает отвлеченный характер и означает сердечное сожаление о ком-либо: «Множество вспоможений делывал он сам раненым и больным, чиня своими руками операции, перевязывая раны, пуская кровь, прикладывая корпии и пластыри, посещая госпитали, врачуя и покая воинов в оных, учреждая богадельни для бедных и увечных, дряхлых и престарелых, повелевая здоровым и силы еще имеющим работать и не быть в празности, для сирот и малолетних заводя училища, — все сие доказывает истинное его отеческое *сердоболие*» (А.А. Нартов. Рассказы о Петре Великом, 1785–1786). Полагаем, с этого времени оно мотивируется прилагательным *сердобольный* и полностью соответствует выше обозначенной словообразовательной модели.

Ко второй группе относятся имена, производные от существительного с -ств-: *милосердствие* (XII–XVII вв.) < *милосердство*, *ласкосердствие* (XV–XVII вв.) < *ласкосердство*, в них словно усиливается значение «отвлеченности» имени. Впоследствии взаимодействие имен на -ство и -ие привело к появлению суффиксальных образований на -ствие [6, с. 115–116].

С XVIII в. в гнезде с корнем *sʲrd- функционирует суффикс -ость-: *усердность* (XVIII–XX вв.) < *усердный*, *чистосердечность* (XVIII–XX вв.) < *чистосердечный*, *добросердечность* (XIX–XX вв.) < *добросердечный*, *сердобольность* (XX в.) < *сердобольный* и др. Производные с данным суффиксом, как правило, означают свойство мотивирующего прилагательного, например, *сердобольность* — «свойство сердобольного человека».

Анализ отвлеченной лексики гнезда с корнем *sʲrd- позволяет говорить о различной степени продуктивности суффиксов: так, например, самым распространенным стал суффикс -иј-, суффикс -ость-, появившийся в данном гнезде в XVIII веке, обладает наибольшим словообразовательным потенциалом в XX в. Среди рассмотренных дериватов наблюдаются следующие типы синонимических рядов: 1) производные от синонимичных основ: *жестокосердечие* — *твердосердие* — *бессердие*, *сердоболие* — *сердобольность*, *осержение* — *разсерживание* — *сержение* — *разсердка* и т. д.; 2) случаи осложнения одной производящей основы разными синоморфемами: *ласкосердие* — *ласкосердство*, *милосердие* — *милосердство* и др.; 3) синонимия производного и производящего: *милосердство* — *милосердствие*, *ласкосердство* — *ласкосердствие*. В диахронии наблюдается явление словообразовательной омонимии, возникшей, вероятно, в результате семантической деривации: *сердоболие* (собирательность и качество).

В рассмотренном лексикографическом материале наблюдаются явления синонимии и омонимии, постоянное расширение состава отвлеченной лексики; так, например, в XII — XIV вв. фиксируется девять лексем, в XV — XVII вв. — двадцать лексем, в XVIII в. — двадцать две, а в XIX и XX столетиях — по двадцать три лексемы. На протяжении развития языка действовали такие словообразовательные типы, как «существительное + -ниј-», «существительное + -ениј-», «существительное + -ств-», «существительное + -иј-» и «существительное + -ость-». Все это позволяет говорить, с одной стороны, об устойчивости языковых моделей, а с другой — о постоянном развитии словообразовательного гнезда с корнем *sʲrd-.

Библиографический список

1. Шатохина М.П. Изучение отвлеченной лексики: история и традиции // Известия Саратовского университета. Сер.: Филология. Журналистика. 2011. Вып. 1. С. 3–6.
2. Новицкая И.В. Философское осмысление абстрактности как основа лингвистического анализа абстрактных/отвлеченных имен в древнегерманских языках // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Филология. 2010. № 1 (9). С. 17–25.
3. Чернейко Л.О. Лингвофилософский анализ абстрактного имени. М.: Изд-во МГУ, 1997. 320 с.
4. Веселитский В.В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М.: Наука, 1972. 319 с.
5. Веселитский В.В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века. М.: Наука, 1964. 176 с.
6. Николаев Г.А. Русское историческое словообразование: теоретические проблемы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 184 с.

References

1. Shatokhina M.P. Study of abstract vocabulary: history and traditions // Proceedings of Saratov State University. Ser.: Philology. Journalism. 2011. Issue 1. P. 3–6.
2. Novitskaya I.V. Philosophical understanding of abstraction as a basis for linguistic analysis of abstract/abstract names in the old Germanic languages // Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2010. № 1(9). P. 17–25.
3. Cherneyko L.O. Linguo-philosophical analysis of abstract name. M.: Moscow State University, 1997. 320 p.
4. Veselitsky V.V. Abstract vocabulary in Russian literary language of XVIII – early XIX century. M.: Science, 1972. 319 p.
5. Veselitskiy V.V. Development of abstract vocabulary in Russian literary language of the first third of the XIX century. M.: Science, 1964. 176 p.
6. Nikolaev G.A. Russian historical word-formation: Theoretical problems. Moscow: Book House «LIBROKOM», 2010. 184 p.

*D.V. Timoshina****ABSTRACT VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE
IN THE DERIVATIONAL NEST WITH THE ROOT *SʙRD-**

In the article the results of a diachronic analysis of abstract vocabulary of a derivational nest with the root *sʙrd- are presented, basic word-formative types and models are viewed.

Key words: abstract vocabulary, word-formative type, abstract action, abstract feature.

* *Timoshina Darya Vladimirovna* (daryatimoshina@gmail.com), the Dept. of Russian Language, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.